

ПРОЦЕССЫ РИТУАЛИЗАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Эта статья посвящена проблеме «ритуал и социальное управление», т. е. одному из аспектов связей ритуала с социальным контекстом. Архаический ритуал доступен современному исследователю зачастую в неполном виде. Отсюда необходимость реконструкции, а значит, неизбежная гипотетичность выводов. Между тем в современной жизни есть сферы, где роль ритуала весьма значительна. Одна из них в социологической литературе называется «молодежной субкультурой». Здесь ритуальные формы существуют не в виде остатков, а постоянно возникают, воспроизводятся, эволюционируют; поэтому их функционирование доступно непосредственному наблюдению.

Обращение к исследованию молодежной субкультуры неизбежно порождает вопрос о социальных корнях разнообразных процессов, идущих в молодежной среде, а также о месте тех или иных течений, движений, групп в социальной структуре общества. Мы не обходим эти вопросы, касаясь их по мере необходимости, однако отдаем себе отчет в том, что специальное их исследование — прерогатива философско-социологических дисциплин. Здесь же мы занимаемся этнографическими аспектами молодежной субкультуры, в частности ролью знаков и символов, процессами освоения и передачи норм поведения, ритуальными формами взаимодействия и пр. С этой точки зрения, молодежные группы и течения представляют собой незаменимый объект исследования как одна из немногих сфер современной жизни, где социальные процессы идут в достаточной мере спонтанно, где действуют законы устной традиции и ритуалы продолжают играть социорегулирующую роль.

Среди множества молодежных группировок с их своеобразными субкультурами мы выбрали «систему». Самоназвание «системных» людей — реорле (пипл), т. е. просто «люди». В «систему» входят хиппи («волосатые», «хайратые», «пацифисты»), панки, битломаны, брейкеры и т. д. — представители самых разных течений. «Система» — как бы ядро пестрого конгломерата современной молодежной субкультуры. Для нас существенно, что она является носителем традиции, идущей еще от первых хиппи конца 60-х годов. К настоящему моменту традиция накопила определенный фонд символов, сложился комплекс норм поведения, а также множество фольклорных форм (песни, предания, легенды, анекдоты, поговорки и пр.). Традиция проявляется в одежде и — шире — внешности «пипл», в их повседневном поведении, в первую очередь в этикете.

Сами носители традиции определяют ее возраст в 20 лет: 1 июня 1987 г. «система» праздновала свое двадцатилетие. Надо учесть, однако, что смена «поколений» здесь происходит примерно каждые 2—3 года, именно с таким интервалом возникают новые течения (это связано с выходом на арену новой возрастной когорты). Частично вливаясь в «систему», каждое новое течение, например, появившиеся вслед за хиппи панки, а затем металлисты и т. д., воспринимает ее традиции; с другой стороны, «системная» традиция впитывает некоторые нормы и символы новых течений. Таким образом, «поколения» здесь меняются на порядок чаще, чем, скажем, в архаической племенной традиции. Соответственно число воспроизведений за 20 лет сопоставимо с числом воспроизведений «большой» традиции за период, в 10 раз более длительный. Поэтому «систему» можно рассматривать как модель, позволяющую проследить процессы, для наблюдения которых в «большой» традиции потребовалось бы не одно поколение исследователей.

Несколько слов об источниках. Здесь использованы материалы, собранные автором среди «пипл» Ленинграда и Москвы в 1986—1987 гг. Применялись два основных метода сбора информации: включенное на-

блюдение и беседы с носителями традиции. Это позволило получить дублирующую информацию: с одной стороны, непосредственные наблюдения ритуала, а с другой — его описания, при этом описания с разных позиций — посвященных и новичков, участников и наблюдателей ритуала, лидеров групп и рядовых членов — различаются. Это связано с эзотерическим характером части ритуальной символики.

1. Управляющие символы. Среди множества ритуалов, имеющих хождение в «системе», мы выбрали для пристального изучения «обряд дарения феньки». Дело в том, что он распространен по всей «системе», в то время как другие носят групповой характер: группа «индеанистов» имитирует обряды североамериканских индейцев, «чернушники» практикуют вредоносную магию и т. д. Исследование групповых обрядов, их источников, а также проникновения в общесистемную традицию может стать предметом отдельного анализа. Здесь мы займемся общей проблемой роли ритуала в функционировании «системы» как социальной общности. Обряд дарения феньки будет опытным полем.

1.1. Обряд дарения феньки. «Мы встретились и познакомились, — рассказывает мой информант. — Или мы знакомы давно и просто встретились. И вот в знак того, что я желаю тебе удачи в твоих делах, в знак того, что ты можешь на меня положиться, в знак любви к тебе я дарю тебе феньку»¹. Это, собственно, и есть обряд.

Фенька (фенечка) — браслетик, сплетенный из бисера или шерстяных ниток, характерен для «системных». Впрочем, фенькой может называться и значок, какая-нибудь вещичка, брелок, даже стихок или песня. Это сленговое слово точнее всего можно перевести как «забава». Фенька — нечто, не имеющее практической ценности, зато обладающее повышенной семиотической ценностью: это всегда средоточие символов. «У меня была фенька в свое время: я набирал из черного бисера две равные половинки, и там, где проходит диагональ, от черного к черному переходила гамма. „Инь-янчик” называлась» (л. 12). Символическую нагрузку могут нести цвета феньки, узор, число бисеринок и пр. Популярны такие символы, как инь-ян, цветок, звезда, созвездия Ориона, Плеяд, Большой Медведицы (это связано с восточной символикой созвездий) и др. В момент дарения символ истолковывается, причем толкования строятся однотипно. Символ истолковывается таким образом, что за ним открывается определенная норма поведения. «Инь-ян — это символ мировой гармонии» (л. 25), — объясняет хиппи; подразумевается гармония человеческих отношений. «Хипповский крест (крест в сочетании с латинской V — Г. Ш.) — это христианская любовь и свобода» (л. 13). Любовь, гармония, свобода — это нормы взаимоотношений, провозглашаемые «системой». И так, за символом — норма поведения. Нередко встречаются символы различных религиозных учений, атрибуты божеств. При ближайшем рассмотрении и божества оказываются воплощениями норм. Яркая иллюстрация — программа самосовершенствования, которую нарисовал один из «пипл»:

«Моисей, научи меня верности,
Иисус, научи меня кротости,
Митра, научи меня честности,
Магомет, научи меня мужеству!
Кришна, научи меня любви,
Будда, научи меня покою.

А пока я учусь терпимости у единого господа Бога...» (л. 33).

Каждый персонаж здесь — символ определенного качества, а точнее, типа взаимоотношений. Терпимость, всеобщая любовь, кротость, искренность и пр. — не что иное, как нормы «системы». Здесь они персонифицированы в образах божеств.

¹ Полевые материалы автора. Архив Ин-та этнографии АН СССР (Ленинградская часть). Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1506. Л. 17 (далее ссылки даются в тексте с указанием листа).

1.2. Управление: образ «я». Владелец символа (в данном случае фенечки) идентифицирует себя с ним: «Улитка— это мой символ, я стал уже с ней слит — от и до» (л. 25),— говорит мой информант Сольми, а вместе с тем он «слит» и с соответствующими нормами (как он сам объясняет, улитка для него символ «силы слабого», ненасилия и т. д.). Символ— это, перефразируя Хемингуэя, «норма, которая всегда с тобой». Постоянно имея при себе образ идеального «я», его носитель соотносит свое поведение с идеалом. Осуществляется постоянная коррекция поведения в соответствии с групповыми («системными») нормами. Это значит, что группа управляет своим членом как бы изнутри его личности. Символ служит средством такого управления.

Поэтому символ — не просто носитель информации о групповых нормах; это действующая норма. Он реально влияет на поведение носителя. Приведем поразительный пример действенности символа: «Одна хиппи, девушка... Она под села на что-то (стала колоть наркотики.— Т. Щ.). У нее были разобранные бусы — там были розовые кубики. А вы знаете, что в кубках измеряется? Дозы. И она, как только у нее повышается доза, прибавляла к своим бусам один кубик. И когда она решила бросить, она выбросила эту феньку» (л. 41). Самое удивительное заключается в том, что девушка эта действительно бросила наркотики. Такова сила символа, его действенность как средства управления поведением.

1.3. «Игра без правил». Теперь поразмышляем о социальных условиях, с которыми связано повышение роли символов в управлении поведением. Почему эта роль, в частности в молодежной среде, вырастает до той черты, когда возникают и воспроизводятся жизнеспособные ритуалы?

Прежде всего о том, что дает группе существование социальных норм в символической форме. Основной результат — субъективное ощущение полной свободы. Спросите кого угодно в «системе», и вам ответят, что здесь нет никаких норм. Собственно свобода — одна из основных ценностей «системы». Главное требование к любому, кто сюда приходит, — «отсутствие комплексов», т. е. любых рамок, ограничений, стеснения. Жизнь в «системе» представляется самим «пипл» игрой, в которой нет правил (л. 32).

Как мы видели, реально правила есть, управление поведением осуществляется. Никакое социальное образование не может жить, не регулируя взаимоотношения своих членов. Но управление идет здесь помимо сознания. Человек следует групповым нормам, не осознавая этого. Сочетание управляемости с субъективной свободой как раз и обеспечивается символической формой выражения норм.

Прямое же управление путем передачи команд здесь невозможно — это связано с особенностями социального статуса «системных».

1.4. Неопределенность статуса. «Насчет работы: я работал на многих предприятиях, но понимая, что это не мое,—высказывается „пипл” со стажем в передаче Ленинградского телевидения.— Вот сейчас я работаю на заводе: слесарь, хороший. Но это не мое. Работаю только для того, чтобы жить. Есть одна работа, на которую я хочу поехать: это археология. Там я мог бы работать даже бесплатно»². И работает: летом выезжает с археологами на раскопки. Почти все «пипл» работают или учатся, но не считают свою нынешнюю работу по-настоящему «своим» делом. Ф. из фармакологического училища хочет поступать в геологический или театральный институт, а пока занимается постановкой спектаклей силами «пипл». Это типичные примеры: в «системе» оказываются люди, находящиеся в переходном состоянии. Много отчисленных студентов, значительную прослойку составляет, по их собственному выражению, «непоступившая интеллигенция»: работают дворниками, сторожами, коچهграми, при этом ощущая себя интеллигентами и видя главный смысл в духовном самосовершенствовании. Общее для всех «пипл» — промежуточное положение в социальной структуре. Если

² Ленинградское телевидение. Цикл передач «Взгляд». Передача вторая. 25.II.87.

рассматривать общество в целом как иерархическую структуру, состоящую из множества определенным образом взаимосвязанных позиций, то «системные» люди оказываются между позициями, между статусами.

Понятно, почему большинство в «системе» составляет молодежь, по наблюдениям автора, от 16 до 21 года. Молодой человек так или иначе проходит через это промежуточное состояние в период выбора профессии и — шире — места в жизни. Именно в это время он может оказаться в «системе». Большая часть не задерживается в ней дольше 2—3 лет: определившись, например поступив в университет, они выходят из «системы». Однако у части этот период затягивается, а некоторым так и не придется выйти из него. Поэтому в «системе» можно встретить и сорокалетних. Но, еще раз повторим, все здесь — люди в процессе перехода. Их основная и самая общая черта — отсутствие определенного социального статуса.

Именно с этим связано требование абсолютной свободы, о котором мы говорили выше. Каждая социальная позиция, статус предполагает систему норм, которых должен придерживаться его носитель. Человек же, находящийся «между» позициями, оказывается вне сферы действия обоих комплексов норм, «между» нормами. Отсюда и ощущение «свободы от всего», а вместе с тем невозможность прямого управления. В этой ситуации символы оказываются наиболее эффективным средством социального регулирования. Существует взаимосвязь между социальной неопределенностью и ростом ритуальных форм, замеченная многими исследователями. Ее отмечал, например, В. Тэрнер: «Лиминальность, маргинальность и низшее положение в структуре — условия, в которых часто рождаются мифы, символы, ритуалы, философские системы и произведения искусства»³. П. А. Мюнх рассматривает «символические нормы» как один из способов адаптации общества к социальной неопределенности⁴.

1.5. Нормы-самоопределения. Мы уже отмечали, что одна из основных «системных» норм — требование абсолютной свободы — описывается реальным социальным состоянием, в котором пребывают «пипл». Подобным же образом и другие нормы по существу оказываются экспликацией все того же состояния социальной неопределенности. Само это состояние переживается как потерянности, а иногда и отверженность («Я маленький муравей давно разоренного муравейника» — л. 34). Потому и свобода приобретает горьковатый привкус одиночества: «Смысл у каждого свой, и понять его должен ты сам... Ведь у каждого свой бог и каждый в центре своей вселенной! Это же просто и так беспросветно» (л. 35).

Весь комплекс «системных» норм можно определить как триаду: свобода — любовь — духовность. Все, что провозглашают «пипл», так или иначе сводится к этим трем нормам.

Отсутствие социальной определенности переживается болезненно — как одиночество (нет «своей» группы). Поиск «своих» становится одним из основных направлений деятельности «системного» человека. Это и есть то, что он понимает, когда говорит о «любви»: любовь определяется как «поиски тепла», «страх не принадлежать» (л. 35), это не что иное, как определение своего состояния — стремления к общению. «Создай вселенную такую, чтобы светило было общим хотя бы для двух людей» (л. 36). Смысл «системной» любви — создать группу (хотя бы одну социальную связь).

Наконец, духовность, третья основа «системного» кодекса, — это поиск «своей» идеи. Социальная неопределенность — не только отсутствие группы, но и неясность смысла жизни: «Тяжело жить, когда не знаешь, для чего живешь. Я еще не поняла, стоит ли жить (л. 32), — пишет шестнадцатилетняя девушка. — Мучительно отсутствие „своего“ дела, которому можно было бы отдаться целиком. Мучительно сознавать себя бродягами, что тут и там спуют, не зная, чем заняться...» (л. 31). Поиски

³ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 199.

⁴ Munch P. A. Anarchy and Anomie in Atomic Community//Man. V. 9. № 2. 1974. P. 243—261.

дела оборачиваются поисками своей идеи. Это и есть центральный предмет «системного» общения. Для этого прочитываются горы книг, жадно впитывается масса самой разной информации. Духовному самосовершенствованию отдается безусловное предпочтение перед материальным благополучием. Это отражается, в частности, во внешности «пипл»: «Одежда может быть неопрятна, но свободна». — говорят они сами, мотивируя тем, что «когда Христос вышел к людям, поги его были в грязи» (л. 34). Собственно в материальном отношении «лиминальные» (по В. Тэрнеру) личности еще «никто». Они существуют пока лишь в проектах, сами определяя это как «духовное» существование. Отсюда ясно, что норма — требование, предпочтение духовности — не что иное, как констатация реального положения дел.

Мы постарались показать, как из самоописаний своего состояния, а именно состояния социальной неопределенности, выкристаллизовываются основные нормы — свобода, любовь, духовность, — провозглашаемые «системой».

Каждая такая норма имеет две стороны: во-первых, отражает реальное социальное состояние, во-вторых, влияет на дальнейшее поведение своего носителя. Символ амбивалентен: он описывает «я» и руководит им.

Именно это и обеспечивает самоотождествление «я» с нормой: человек видит в ней свое отражение. Поэтому он принимает норму как «свою», «естественную» и, следуя ей, не ощущает, что управляет. Амбивалентность символа — то свойство, которое позволяет ему воздействовать на поведение «изнутри» личности.

II. Лидер и символы. До сих пор мы рассматривали процесс управления с точки зрения его объекта. Переместимся теперь на позицию другой стороны — субъекта управления, лидера. Надо отметить, что понятие лидера в «системе» отлично от привычного: в соответствии с нормами (свобода!) любой, кто попытался бы командовать, кто хочет возвыситься над остальными, оказался бы не лидером, а аутсайдером; любые нарушения равенства считаются здесь признаком деградации, уделом людей недалеких и низких. Здесь мы имеем дело с лидером, полностью неформальным.

II.1. «Работа над языком». Основное средство управления в «системе», как выяснилось, — символы. Поэтому лидером становится тот, кто овладевает языком символов. Манипулируя ими, он получает возможность манипулировать людьми. «В системе есть очень крутые люди, как столпы, — объясняет мне один из признанных авторитетов в этой среде, Сольми. — Чем они отличаются? — Символ! Если у человека есть символ, он бессмертен» (л. 26).

Лидер начинается с осознания роли символов, а именно того обстоятельства, что с их помощью можно влиять на поведение. «Я занимался вопросами коммуникабельности между людьми, — рассказывает Сольми. — Пришел к тому, что символы обладают особой энергетикой. Глядя на символ, вы попадаете под его влияние... Символом можно повлиять, даже убить. Вы поосторожнее... Это оружие, крутое оружие» (л. 26). Отметим, что «убить» здесь означает вытеснить прежние убеждения и вложить новые, иными словами, навязать свои идеи. Осознание роли символов отличает лидера (в том числе потенциального) от прочих «пипл».

С этого начинается «работа над языком» — разработка символического языка, конкретных способов управления. Можно выделить три направления этой работы: а) творческие поиски в сфере живописи, музыки, поэзии; б) повышение семиотичности повседневного поведения, одежды и речи; в) социальные эксперименты. Остановимся подробнее на каждом из направлений.

II.2. Лидер-художник. Собирая материалы для этой работы, автор специально искала знакомства с «системными» авторитетами, лидерами различных групп и течений. Нельзя было не заметить общую, пожалуй, для всех их черту — особую образность, даже некоторую ирра-

циональность речи и манеры поведения. Многие из них вполне осознанно формируют жизнь и свое поведение как произведение искусства. Как правило, они занимаются живописью, музыкой (чаще всего роком), поэтическими опытами. Характерно, что смысл этих занятий — не столько создание произведения как конечной эстетической ценности, сколько поиск символических средств. Один экспериментирует с цветом, объясняя: «Искусство должно воздействовать на зрителя. Это нормально, к этому стремится художник. Арсенал художника: цвет, линия, способы выражения. С их помощью можно выразить мысль. Символические цвета — это воздействие на подсознание. Сверху этого уже дается мысль, уже объект — то есть воздействие на сознание» (л. 28). Подобным же образом экспериментируют в музыке (там «в арсенале» ритм, мелодия), а также в сфере вербального творчества, причем имеют значение не только ритм, смысл, порядок слов, но и манера произнесения. Со стороны все это нередко выглядит чисто формалистическими поисками. Это на самом деле поиск, но отнюдь не бессмысленный: это поиск путей воздействия на человека. Это работа над языком управления, в чем, отметим, сам ищущий практически всегда отдает себе отчет.

Именно поэтому столь характерен для молодежной среды лидер-художник⁵; похожее явление отмечается и в политической антропологии при изучении механизмов управления вообще: «У политического лидера заметны черты творческого художника — он через свою риторику, лозунги и тактику манипулирует существующими символами и творит новые»⁶.

II.3. Повышенная знаковость лидера. «Лидеры в системе — они знают уже средства: внешность имеет очень большое значение. И бывает: чем длиннее волосы, тем выше у тебя вес в системе...» (л. 29). Волосы, по объяснению, например, того же Сольми, — символ свободы: «В волосах мистическая сила. С древних времен стрижка — механизм подавления. В тоталитарных режимах всегда стригли. В Древней Греции длинные волосы считались прекрасными. А стригли только рабов...» (л. 27). Оставим в стороне поэтическое обоснование, но в конечном счете волосы, как и любой другой символ, оказываются обозначением социальной нормы («свобода»). Впрочем, тот же символ может истолковываться как выражение естественности или невнимания к внешней стороне жизни. Повышенная знаковость проявляется не только и не обязательно в ношении длинных волос (это принято только среди хиппи, а в «системе», как уже отмечалось, много разных течений). Повышенную семиотическую нагрузку несет одежда лидера, увешанная значками, амулетами, с вышитыми символами (например, «пацифик» — символ «системной» любви-ненасилия, вообще «новых отношений» между людьми, противостоящих насилию и разобщению).

Повышенная знаковость позволяет даже новичкам (в «системе» их называют «пионерами») опознать лидера, привлекает к нему; новички группируются вокруг него, и таким образом происходит первичное усвоение «системной» символики и норм.

«Подросток приходит в „систему“, — рассказывает мой информант, — и врубается (пытается понять. — Т. III.). А есть такие люди, которые подрубают (вводят в „систему“, объясняя правила игры. — Т. III.)» (л. 28).

Повышенная знаковость лидера возникает как побочный результат его работы над языком символов. Она играет определенную роль в процессе группирования вокруг него не только новичков, как в приведенном примере.

II.4. Личный символ. Основной результат «работы над языком» — личный символ, который и будет главным инструментом управления. У П., который экспериментировал с цветом, личный символ тоже

⁵ См.: Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры. М., 1980. С. 225—243.

⁶ Cohen A. Political Anthropology: The Analysis of the Symbolism of Power Relation//Man. 1969. V. 4. № 2. P. 212—235.

цветовой: «Мои цвета—красный, черный, серо-желтый, плотный синий. Все пронизывается красным» (л. 28). Чаще, однако, личным символом служит образ: в качестве примера приведем улитку Сольми. Улитка (как и любой личный символ) аккумулирует весь комплекс «системных» норм. Сольми объясняет смысл своего любимого символа: а) «слабость непобедима. Улитка — самое сильное существо в мире. Она может провезти камень весом в два килограмма, а сама весит пять грамм». Улитка для него — символ ненасилия, слабости как инструмента борьбы с насилием; б) «не спеши, без нас не начнут — это еще одна из моих концепций». Улитка — символ отказа от борьбы за место под солнцем; в) она же символ независимости: «Все мое ношу с собой. Улитка является автономным, независимым организмом»; г) «Где бы она ни была, она везде дома. Это значит, что в этой вселенной, в этом мире она везде дома». Улитка — символ мировой гармонии, гармонии личности с миром (л. 25).

Улитка для Сольми оказывается средоточием «системных» норм. «Это у меня концепция такая: смотреть и видеть есть удел немногих... во всем есть символ. Можно все (в данном случае весь комплекс норм.— *Т. Щ.*) познать через любую вещь. Такой вещью для меня служит улитка. Через нее я смотрю на мир и понимаю» (л. 26). Эта последняя фраза выражает его концепцию управления: символом может стать любая вещь — главное, она должна выражать нормы. Немногие могут видеть за символом нормы — это и есть «столпы», авторитеты, лидеры. Этот принцип Сольми применяет на практике: например, он лидер группы художников «Ирис», и создание группы началось с выбора личного символа (Сольми выбрал ирис под влиянием Г. Гессе). Толкуя смысл этого символа, Сольми говорит все о тех же нормах. Он лидер нескольких групп, и в каждой у него свой символ — наряду с основным, улиткой, это мухомор, лев, божья коровка, солнце и т. д.: «Во всем есть символ». Не так важны форма, образ — важнее нормы, скрывающиеся за ними. Личный символ лидера становится символом группы (ирис как символ концепций Сольми — и группа «Ирис», использующая этот цветок на своих афишах).

Символ — инструмент самоидентификации лидера с комплексом групповых норм. С одной стороны, лидер отождествляет себя с символом («Улитка — мой символ. Я стал уже с ней слит — от и до»). С другой стороны, тот же символ концентрированно выражает нормы. Таким образом, лидер сливается с нормами, становясь их воплощением. Он создает образ «нормативной личности», групповой идеал. Это вовсе не означает, что его реальное поведение соответствует этим нормам. Как раз напротив: близкие друзья почти всегда отмечают несоответствие реальных поступков лидера провозглашаемым им ценностям, таким, как любовь, искренность и пр. Это, скорее, условное отождествление. Личный символ служит его средством: лидер — символ — комплекс норм (т. е. идеал «я» для тех, кто следует за лидером).

II.5. Социальные эксперименты. «Был в Москве один „системный“ мыслитель, Максим. У него была такая фраза: можно взять любой молодняк, вложить им определенные идеи, и они пойдут за тобой в огонь и в воду. А внушить им можно что угодно» (л. 18). Другой, тоже авторитетный в «системе», — Менестрель проделал такой эксперимент: «Взял, придумал молодежное движение — „Лигу автономов“. Сочинил несколько тезисов, нашел некоего Додо, и этот Додо (а он из ближайшего окружения Менестреля) въехал (осознал.— *Т. Щ.*), что он глава этой Лиги автономов. Протолкнул несколько телег, и все в порядке (телега — слух, нарочно пускаемый в „систему“.— *Т. Щ.*). Тезисы были основаны на раннем хиппизме, только значительно свободнее. „Неприятие и непонимание твоих поступков окружающими еще не повод их совершать“ — основной тезис, который проводил Менестрель. Смеялся: „Вот, автономы, а в принципе то же самое, название другое, а все то же...“ Менестрель очень быстро отошел от них, стал посмеиваться: вот, ничего не стоит людям в головы вбить лозунги, заставить вести себя, как ты хочешь» (л. 18). Типичный пример социального эксперимента, через

который проходит практически каждый «системный» лидер. Менестрель соблюдает правила игры: набор норм и принципов стандартный (ранний хиппизм, «все то же»); этот набор выражается через новый символ (слово, название), создается группа, автор символа становится ее лидером, а потом уже «заставляет вести себя, как ты хочешь», т. е. управляет поведением.

II. 6. Процесс управления: манипуляция символами. Вернемся к тому, с чего начали, — к обряду дарения феньки. Дарит чаще тот, кто авторитетнее. Сольми никогда не просит феньку, но всегда дарит. Новички, те, кто хочет приобщиться к «системе», напротив, просят: «Подарите мне кто-нибудь феньку...». Фенечка движется от лидера к рядовым «пипл», а не наоборот. Если менее авторитетный, допустим, предложит феньку Сольми, тот ее, скорее всего, не примет: «Хорошая фенька, интересно сделана... но не моя...».

Сольми дарит феньку, скажем, с изображением улитки и объясняет ее смысл, т. е. как мы видели, раскрывает комплекс норм поведения. Принимающий подарок будет с этих пор чувствовать свою тождественность с символом, значит, и с нормами. Таким образом, лидер передает нормы, программы поведения. Обряд «дарения феньки» оказывается передачей программ-команд, т. е. процессом управления.

Обряд — это манипуляция символами, как бы овецивающая процесс управления. Лидер это отчасти сознает: «Это как в церкви эвхаристия: ты причащаешься, съедаешь просфорку — это как бы тело Господне. И ты уже во власти церкви. Так и феньку тебе подарил кто-то, кто тебе дорог... как бы установилась между вами связь... И ты уже в его власти. Эта фенька — она вас связывает» (л. 19).

Обряд дарения феньки — не только единичная передача команды, это еще и знак отождествления управляемого (принимающего дар) с лидером, который «ему дорог». Лидер дарит свой символ, и с этих пор принявший корректирует свое поведение в соответствии с теми нормами, которые несет этот символ; тем самым он как бы равняется на лидера, который воплощает в себе нормы. Лидер воспринимается как идеал «я». Поэтому обряд дарения феньки можно представить так: лидер — фенька (символ — сумма норм) — «я».

Передавая программу поведения, лидер становится учителем, примером для подражания, причем важно отметить, что подражать будут не его реальному поведению, которое может ощутимо отклоняться, а тому образу, который лидер создает с помощью символов.

Известны варианты обряда. Например, лидер может дарить не свой личный символ, а плетет феньку, специально предназначенную для данного человека. Подбирает цвета и узор, которые, на его взгляд, идеально соответствуют этому человеку. Объясняет, что эти символы принесут ему удачу и укажут правильный путь. Этот вариант обряда сохраняет момент передачи программы поведения; отпадает отождествление принимающего дар с дарителем.

Еще одна разновидность того же обряда — наречение имени. «Системное» имя, как и фенечка, символично. Символика имени несет отпечаток групповых норм. Среди хиппи, например, популярны «цветочные» имена (есть хиппи Ромашка). «Цветок, — по их объяснениям, — символ хиппизма: „сила в цветах“ (имеется в виду лозунг „революции цветов“ конца 60-х годов. — Т. III.)» (л. 26). Цветок — символ ненасильственных отношений (вспомним: за рубежом хиппи вставляют цветы в дула полицейских винтовок, раздают на улицах цветы прохожим, — правда, те чаще шарахаются, чем проникаются идеалами ненасилия⁷).

Среди «пипл», группирующихся в Москве вокруг булгаковского дома, много имен, почерпнутых из «Мастера и Маргариты»: Гелла, Бегемот (их несколько); среди панков можно встретить такие, как Папа Гнус. В общем «системное» имя отражает символику группы, к которой при-

⁷ См.: Шекочихин Ю. По ком звонит колокольчик // Социологические исследования. 1987. № 1. С. 81—93 (особ. с. 89).

надлежит его обладатель, а при ближайшем рассмотрении — и «системы» в целом, поскольку, как заметил Менестрель, «названия разные, а все то же».

Сольми, как и другие лидеры, не только дарит фенечки, но и дает имена: Зефир, Ной и другие, столь же романтические. Давая имя, он объясняет смысл, т. е. говорит о скрывающихся за именем ценностях. Смысл наречения имени, как и дарения фенечки, — передача программ, ценностей, норм поведения. Это одна из разновидностей оформления процесса управления.

III. Символы и социальная структура. Как и атрибуты архаических ритуалов, феньки наделяются магической силой — здесь она называется «энергией». Существует цикл поверий о феньках. Считается, например, что фенечка обеспечивает успех в определенных ситуациях, и поверья определяют условия, при которых она сохраняет силу или ее теряет. Прежде чем анализировать эти поверья, поговорим о реальных последствиях ношения фенек.

III.1. Информация о статусе. Для этого вычленим ту конкретную информацию, которую воспринимают при виде фенек «системные» собеседники их обладателя. Иными словами, мы переходим с позиции носителя символов на точку зрения той социальной среды, «системы», которой он их демонстрирует.

«По внешнему виду, — объясняет мне „пипл“, — можно определить, есть у него чувство неполноценности или вариант мании величия, какое положение у него в его компании и есть ли у него своя компания» (л. 2), т. е. определить его внутрисистемный статус. А именно: а) его принадлежность в целом к «системе». Каждый раз, вступая в беседу, «пипл» решают задачу: «Я жду, кто ты? Как я, одинокий, или пресыщенный, как они?» (л. 33). Сам факт ношения фенечек уже говорит о «системности»; б) течение, к которому принадлежит этот человек, круг дорогих ему идей (символика внешности позволяют безошибочно отличить хиппи от панка, кришнаита от христианствующего пацифиста и т. д.); в) иногда можно определить конкретную группу, в которой он *тусуется* (общается. — *Т. Щ.*), и даже человека, который подарил эту феньку: «Бывает, что кто-то видит феньку и говорит: вот эта фенечка похожа на такого-то человека (очевидно, распознает его личный символ. — *Т. Щ.*). И действительно, ее сплел этот человек» (л. 20). Таким образом, уже при первом знакомстве символика внешности позволяет идентифицировать круг общения, интересов, а иногда обнаружить общих знакомых; г) по количеству фенек можно судить о числе знакомых: много фенек — значит, много людей в «системе» желает их обладателю удачи. Это показатель степени интегрированности его в «систему»; д) однако это и показатель его подчиненных позиций: ведь дарят феньку всегда «слабому»: «Человек, которому служат, он дает феньку... и слабый становится рядом с ним, как женщина с сильным мужчиной» (л. 27). Поэтому увещаны феньками, как правило, повички, которые «просто носят на себе феньки (даже иногда не подаренные, а сплетенные собственными руками. — *Т. Щ.*), чтобы показать, какой ты *крутой* (свой, уважаемый. — *Т. Щ.*)» (л. 44).

Таким образом, фенечки несут информацию о внутрисистемном, а иногда и внутригрупповом статусе их обладателя.

III.2. Сигнал к взаимодействию. Эта информация определяет поведенческую реакцию. Символика внешности влияет на поведение «пипл» по отношению к ее обладателю, вызывая конкретные действия. Это и есть реальный, вполне осязаемый результат ношения фенечек. Рассмотрим подробнее ситуации, когда обнаруживается поведенческая реакция на символы.

«Я столкнулся в метро с ребятами. Ксивники, феньки... Ксивник и феньки — это еще и нашиты опознавательные знаки. Спросил: как вас можно найти?.. Ну, встретились, потом поехали по трассе в Питер (автостопом в Ленинград. — *Т. Щ.*). Потом еще много разных дел...» (л. 17). Феньки послужили сигналом к взаимодействию. Прочитывается информация о «системности» ребят в метро; это значит, что они придержива-

ются «системных» норм, с ними можно заговорить, они не откажутся встретиться еще раз, можно вместе путешествовать и пр.

Другая ситуация, тоже типично «системная». Приехав в другой город, «пипл» так же опознает своих, чтобы через них устроиться на ночлег. Нет денег — можно рассчитывать, что тебя угостят кофе, покормят; можно узнать, где сегодня «сейшн», т. е. рок-концерт, поэтический вечер и т. д. Существует вполне определенный набор ситуаций, когда в «системе» принята взаимопомощь. Распознавая по фенечкам своего, «пипл» в то же время получает информацию о поведении, которого можно от него ждать. А именно — соблюдения «системных» норм. Таким образом, символика внешности позволяет оценить возможность взаимодействия с данным человеком и, если эта возможность оценивается положительно, дает сигнал к взаимодействию.

III.3. «Энергия» фенек. Вернемся к поверьям. Считается, что фенечка воздействует на «энергетику» своего обладателя и окружающих, принося ему удачу: «в знак того, что я желаю тебе удачи в твоих делах... я дарю тебе феньку»; «человек делает феньку и загадывает: ну, с ней прошел трассу, огонь и воду (удачно путешествовал.— *Т. III.*)... и она хранит, она помогает в чем-то...», «дарит и со смехом говорит: эта фенечка от контролеров в автобусе» (л. 24).

Ситуации, когда, по поверьям, помогают феньки, стандартны: путешествия, стычки с несистемными, творчество, т. е. именно те ситуации, когда в «системе» принята взаимопомощь.

Выше мы выяснили, что фенечка служит сигналом к такой взаимопомощи. Это и есть путь, которым она в действительности «помогает в делах», — обеспечивает социальную поддержку. Поэтому именно социальную поддержку надо понимать под «энергией» фенек.

Проиллюстрируем это рассказом «системного» о том, как он лишился на день фенечки, а вместе с ней и энергии: «Я могу рассказать, что было, когда я на один день дал поносить ее одной девушке из Казани... Весь этот день был плохой... Я не мог ничего сделать; при мне *любера* (противоборствующая группа молодежи.— *Т. III.*) увели двух девиц — и я ничего не мог сделать». — «Амулет дает вам защиту? — спрашиваю я. — Силу?» — «Не силу, а... он хранит от всякого зла. Отводит голпников всяких (несистемных.— *Т. III.*)» (л. 46). Утрата фенечки (а вместе с тем надежды на поддержку, которую она воплощает) лишило «энергии», т. е. способности действовать в одной из стандартных ситуаций, когда требуется поддержка. «Энергия» — не что иное, как внутреннее ощущение социальной опоры.

III.4. Поверья о феньках: образование и разрыв социальных связей. Ритуал передачи феньки можно интерпретировать как заключение социальной связи, образование элемента структуры «системы». Это ощущают сами участники: «Один другому феньку дает — это значит, они уже чем-то связаны» (л. 27). Поэтому, рассматривая правила манипуляций с феньками, мы можем судить о правилах сложения социальной структуры.

Выясняется, что существует несколько разновидностей фенечек и несколько видов связи, различающихся по долговечности.

1. Случайные связи: «Кому-то просто нравится фенька. Он видит феньку и говорит: вот какая фенечка красивая! — и, как правило, она дарится» (л. 27). Чаще дарят человеку, к которому испытывают симпатию или идейную близость, но нередко и случайным знакомым и даже незнакомым, как в приведенном случае. Фенечки свободно передариваются вновь и вновь. Связи легко заключаются и распадаются. Фенечка (связь) недорого обладателю. Такие связи образуют низовой уровень «системного» общения, обширную «зону знакомства». Обычно этим уровнем довольствуются новички либо те, у кого был длительный перерыв «системного» общения, и он не уверен в том, что еще сохранил какое-то положение. Это люди, слабо интегрированные в «систему»: «Ты вернулся... — Меня замучила цивилизная (несистемная.— *Т. III.*) жизнь. Подарите мне кто-нибудь феньку...» (л. 27). Фенька нужна ему как под-

тверждение принадлежности к «системе» в целом; личные связи при этом практически не образуются, иногда подаривший и попросивший феньку даже не знакомятся.

Существует поверье, что нельзя восстанавливать фенечку, если повралась. Одно из объяснений: «Она не выдерживает уже всех наслоений, пожеланий» (каждый, даря феньку, высказывает пожелание; здесь имеется в виду, что эта фенька уже много раз переходила из рук в руки — „переносила пожелания“, потому и потеряла силу) (л. 23). Иными словами, поверье лишает надежды на продолжение такой мимолетной связи. Больше того, оно предписывает не предпринимать усилий для ее восстановления.

2. «Зона взаимодействия» — несколько более высокий уровень общения. Имеются в виду связи, возникающие в совместной деятельности: подготовка концерта, поэтического вечера, поездки автостопом. Фенечка очень часто дарится как раз в таких случаях:

«В знак того, что я желаю тебе удачи в твоих делах, в знак того, что ты можешь на меня положиться, в знак любви к тебе» (л. 23). По поверьям, фенечка, подаренная таким образом, тоже не может быть восстановлена: «Она уже свою функцию выполнила, вот, помогла выполнить определенное дело, и все» (л. 16). Связь, возникшая в сотрудничестве, прекращается с окончанием дела. Только на период его выполнения фенька имеет «энергию», т. е. обещает поддержку. Эти связи уже не столь эфемерны и при определенных условиях (симпатии, близости вкусов и творческих позиций) могут перейти в дружбу.

3. Наконец, зона «группообразования», связей типа «лидер — я». Это как раз те самые связи, где в полной мере важна символика фенечки, о чем шла речь в начале статьи. Если фенечка, подаренная случайно либо в ходе деятельности, сопровождается нередко только пожеланием («эта фенечка от контролеров в автобусе»), то здесь фенька несет личную символику лидера или получателя, а чаще всего бывает, что они совпадают, — мы уже говорили об отождествлении «я» с символикой лидера.

Поверья оберегают связь с лидером («с человеком, который дорог»). Фенечки, сплетенные специально для данного человека, нельзя дарить: «Это приведет к пагубным последствиям. Душевный разлад... Человек теряет равновесие душевное. И из-за этого всякие неприятности, неурядицы...» (л. 16). Неурядицы и разлад грозят тому, кто получил такую фенечку — предназначенную не ему, отражающую чужую символику. С одной стороны, это поверье обеспечивает сохранение личной феньки у ее единственного обладателя, т. е. стабильность связи «я — лидер». Более или менее стабильные группы в «системе» как раз образуются за счет таких связей: это объединения нескольких человек вокруг лидера. Поэтому мы и назвали этот уровень общения зоной «группообразования». С другой стороны, то же поверье обещает «душевный разлад» получателю чужой феньки. Это не что иное, как разлад со своей социальной средой: чуждая символика воспринимается в группе как выражение чужих идей, а ее носитель ощущает отчуждение. Отсюда «неурядицы» и пр. Поверье, запрещая дарить личную феньку, препятствует дестабилизации группы.

Исключение делается для случая, когда «человек тебе дорог»: такому можно подарить даже «очень дорогую тебе феньку», тем самым включая его в свой круг общения. Здесь уже даритель сам выступает в роли лидера.

Сказанное означает, что поверья о феньках представляют собой не что иное, как правила образования или же разрыва социальных связей. Анализ этих правил позволяет увидеть структуру типичной «системной» группы, а также этапы ее образования. Структура группы: 7—10 человек вокруг лидера плюс еще их друзья — всего, по наблюдениям автора, человек 20—40. Этапы образования группы можно представить как постепенное сужение круга связей при их упрочении: знакомство — сотрудничество — группа (когда сотрудничество уже не только в одном конкретном деле, но в разных мероприятиях). Характерно, что новички,

как правило, «тусуются» на уровне эфемерных знакомств (зона «знакомств»); затем приобретают способность быстро находить товарищей для определенного дела, образуя кратковременные группировки сотрудников (зона «сотрудничества»); наконец, по-настоящему интегрированные в «систему» обязательно принадлежат к какой-нибудь сравнительно стабильной малой группе и довольно редко появляются в местах общих тусовок, там, где проводят все время новички, где можно встретить много народа, познакомиться, получить поверхностную информацию типа «где сейшн», — в зоне «знакомств». Процесс вхождения в «систему» можно считать законченным, когда человек находит «свою» группу.

Несколько слов в заключение. Мы рассмотрели только одну разновидность «системной» символики — «феньки». На самом деле символика здесь гораздо более многообразна: символическую нагрузку несут язык, высказывания, маперы, позы, места встреч и т. д. и т. п. Символика буквально пронизывает все виды «системного» взаимодействия — собственно, это и заставило нас выбрать «систему» как поле исследования символов. На примере фенек мы постарались проанализировать некоторые аспекты восприятия символов и их воздействия на поведение. Выяснилось, что символ служит средством управления поведением отдельного члена «системы» и согласования его поведения с действиями других «пипл». В самом полном случае можно представить следующую цепочку передачи управленческих сигналов: лидер — «я» — взаимодействующие с ним «пипл». Символ служит средством передачи сигнала.

Манипуляции с символами приводят к сложению социальных связей: вначале «я» с управляющим ядром группы (ее лидером либо воображаемым учителем, на которого можно ориентироваться, подражая ему, — это может быть рок-кумир или мифологический персонаж, например Кришна); затем «я» с остальными членами этой или других групп, т. е. социальной средой. Отношение «я» — лидер определяет социальный статус; социальная среда, реагируя на знаки этого статуса, осуществляет его на практике.

Разумеется, управление еще не исчерпывает социальных функций символики. Существует, как известно, система таких функций⁸. Наши материалы позволяют, например, говорить о таких направлениях функционирования символики, как «символы и традиция», «символы и внутригрупповая социализация» и т. д. Но все это — темы уже отдельных работ.

⁸ Байбури А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 7—21 (особ. с. 18, 21).

М. Л. Бутовская

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И МЕТОДОВ В АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Этологическим источникам информации до сих пор уделялось явно недостаточно внимания в этнографической и антропологической литературе. Такое положение вещей вполне объяснимо и связано с объективными и субъективными факторами: 1) если о сходстве морфологии гоминид и обезьян можно судить весьма точно, то любые рассуждения о поведении наших гоминидных предков всегда останутся весьма предположительными; 2) определенную отрицательную роль здесь сыграли социозтологические и социобиологические исследования, в которых некорректно использовались сведения по этологии животных и человека и которые способствовали пропаганде животной природы человека, а так-